

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА / THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PSYCHOLOGY OF ART

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-23>
УДК/UDC 159.99

Магия искусства как способ познания социальных изменений

Д.А. Хорошилов ✉

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россий-
ская Федерация

✉ d.khoroshilov@gmail.com

Резюме

Актуальность. Обусловлена развитием эстетической парадигмы в современной психологии, предполагающей сближение языков науки и искусства в познании социальных явлений в условиях изменяющегося общества.

Цель. В логике психологической эстетики Л.С. Выготского раскрыть перформативность искусства и художественного творчества, которое не столько миметически отражает, сколько создает и моделирует психологические состояния и социальные процессы.

Методы. Используются методы историко-компаративистского анализа психологических и эстетических концепций; с позиций качественной методологии в психологии осуществляется интерпретация поэтики Серебряного века как реализации модернизма в русской культуре, предвосхищающей радикальные революционные изменения 1917 г.

Результаты. На основании проведенного психологического исследования искусства эпохи Серебряного века (литературы, философии, живописи, музыки, танца) доказывается тезис о том, что искусство выполняет не миметические функции репрезентации прошлого, настоящего и даже будущего, но прежде всего функции перформативные. Искусство выступает своеобразной кристаллизацией коллективных переживаний общества и культуры, их породивших; одновременно образ мира, конструируемый в художественном творчестве, может оказывать обратное влияние на социальную реальность и трансформировать ее, как и случилось в искусстве русского модернизма

начала XX ст., ставшего предвестником и активным участником падения царского режима.

Выводы. Проведенный теоретико-методологический анализ перформативной функции психологии искусства имеет важные следствия для дальнейшей разработки концепции социального познания как конструирования образа социального мира в транзитивном обществе. С точки зрения А.Н. Леонтьева, образ мира «вычерпывается» из реальности, однако, как предположила Г.М. Андреева, может противостоять и даже расходиться с ней под влиянием социальных изменений. В такой эпистемологически сложной ситуации особое значение приобретает социальное познание через искусство, семиотически близкое магии и магическому мышлению, которые позволяют субъекту символически осмыслить преобразования его повседневной жизни и восстановить ментальный контроль над ней.

Ключевые слова: психология искусства, перформативная эстетика, магия искусства, Серебряный век, социальное познание, социальные изменения

Благодарности. Автор выражает благодарность за консультации по истории философии, культуры и искусства Серебряного века Л.С. Печниковой, по истории дореволюционного кинематографа — Л.Г. Хоревой.

Для цитирования: Хорошилов, Д.А. (2025). Магия искусства как способ познания социальных изменений. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(3), 30–47. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-23>

Magic of Art as a Way of Understanding Social Changes

Dmitry A. Khoroshilov ✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ d.khoroshilov@gmail.com

Abstract

Background. The development of the aesthetic paradigm in modern psychology implies the convergence of the languages of science and art in the cognition of social phenomena in a changing society.

Objective. The aim is to reveal the performativity of art and artistic creativity in the logic of psychological aesthetics of L.S. Vygotsky. Artistic creativity not as much mimetically reflects but rather creates and models psychological states and social processes.

Methods. The methods of historical and comparative analysis of psychological and aesthetic concepts are used; the poetics of the “Silver Age” is interpreted from the standpoint of qualitative methodology in psychology, as the implementation of modernism in Russian culture, anticipating the radical revolutionary changes of 1917.

Results. Based on the conducted psychological study of the art of the “Silver Age” (literature, philosophy, painting, music, dance), the thesis is proved that art performs not mimetic functions of representing the past, present and even future, but above all performative functions. Art acts as a kind of crystallization of the collective experience of society and culture that gave rise to them; at the same time, the image of the world constructed in artistic creativity can have a reverse effect on social reality and transform it, as happened in the art of Russian modernism of the early twentieth century, which became an active participant in the fall of the tsarist regime.

Conclusions. The conducted theoretical and methodological analysis of the performative function of the psychology of art has important consequences for the further development of the concept of social cognition as the construction of the image of the social world in the transitive society. From the point of view of A.N. Leontiev, the image of the world is “scooped out” from reality, however, as G.M. Andreeva suggested, it can resist and even diverge from it under the influence of social changes. In such an epistemologically complex situation, social cognition through art, semiotically close to magic and magical thinking, which allow the subject to symbolically comprehend the transformations of his everyday life and restore mental control over it, acquires special significance.

Keywords: psychology of art, performative aesthetics, magic of art, Silver Age, social cognition, social change

Acknowledgments. The author expresses gratitude to L.S. Pechnikova for consultations on the history of philosophy, culture and art of the Silver Age, and to L.G. Khoreva for consultations on the history of pre-revolutionary cinematography.

For citation: Khoroshilov, D.A. (2025). Magic of art as a way of understanding social changes. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(3), 30–47. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-23>

Перформативная функция искусства в психологии Л.С. Выготского

«Хорошо известно, что в своих произведениях художники часто предвосхищают то, что еще только должно произойти — иногда

на одно или два поколения позже — в других сферах социальной и культурной жизни» (Элиаде, 2002, с. 35). Прогностическая функция искусства и художественного творчества, обсуждаемая М. Элиаде на материале преходящей моды на те или иные научные теории, стала привлекать внимание психологов сравнительно недавно. Несмотря на то обстоятельство, что психологи-классики, начиная от У. Джеймса, З. Фрейда, Л.С. Выготского и заканчивая В.П. Зинченко, мечтавшим организовать кафедру психологии искусства (Зинченко, 1994), постоянно обращались к эстетическому познанию, только в первой четверти XXI в. стало методологически возможным говорить о диалоге науки и искусства в логике *эстетической парадигмы*. Эстетическая парадигма постулирует возможность визионерства, предсказания социальных изменений и кризисов с помощью междисциплинарного сопоставления художественного и научного дискурсов, образного (визуального) и понятийного способов категоризации мира в ситуации неопределенности и транзитивности развития общества и культуры (Марцинковская, Хорошилов, 2023).

В современной эстетике считается, что искусство не отражает реальность прошлого, настоящего или будущего (как считалось в миметической теории со времен Аристотеля), но активно формирует и создает ее. Признание того, что художественное действие производит новую социально-психологическую реальность, является исходным пунктом для *эстетики перформативности* (Голдберг, 2013; Фишер-Лихте, 2015), которая опирается на комплекс лингвистических идей Дж. Остина и философских Дж. Батлер. После «перформативного поворота» эстетическая деятельность — это прежде всего искусство жеста и высказывания, которое в момент своего произнесения порождает некое новое явление, а в психологическом ракурсе — идентичность художника (творца) и зрителя в актуальном социальном контексте. В перформансах стираются границы между искусством и повседневностью, акцентируются спонтанность, недолговечность и провокационность исполняемого действия (Маньковская, 2016).

Имеются параллели между перформативной эстетикой и психологической эстетикой Л.С. Выготского. В его ранних театральных рецензиях важное место занимает идея (пока еще не научная категория) *переживания*, которая впоследствии послужит предпосылкой для определения *катарсиса* в качестве основного механизма психологии искусства (Выготский, 1986), а в дальнейшем она станет центральной при анализе актерской игры (Выготский, 1984). Переживание в «театроведческой» трактовке Выготского становится

эмоциональным отношением между зрительской аудиторией и социальным окружением, опосредствуемым личностью, техникой и игрой актера. Именно моделирование возможной эмоциональной реакции зрителя определяет уникальность подхода Выготского как театрального критика и психолога (Собкин, 2015). Экспрессивное поведение актера представляет собой сложную знаковую систему выразительных движений тела, которая разворачивается в специальных условиях и предполагает особый режим работы психики, к которому «присоединяется» и зритель, воспринимающий и рефлексирующий сценическое действие (Айламазян, 2018).

Таким образом, психологическая эстетика Выготского — в соответствии с его общей идейной установкой на преобразование и создание нового человека, что было показано еще М.Г. Ярошевским (Ярошевский, 1993), — может быть интерпретирована как перформативная по своим концептуальным допущениям. Через переживание катарсиса, intersubjectively разделяемое между творцом и зрителями в совместной художественной деятельности (как в хрестоматийных перформансах Й. Бойса или М. Абрамович), формируется символическое пространство, в котором человек может познать и трансформировать самого себя. Катарсис открывает путь для преобразования аффективных состояний и овладения собственным поведением, однако конкретные психологические механизмы и факторы этого процесса до сих пор остаются предметом дискуссии (Громыко, 2018).

Эмоциональные эффекты воздействия искусства на человека могут восприниматься обыденным сознанием как магические по природе. Перформативность языка искусства функционально сближает его с языком магии. С первобытных времен наскальной живописи искусству приписывалось ритуально-магическое значение, что позволяет, в свою очередь, говорить о феномене *магического искусства*, которое изображает и вызывает определенные эмоции для разрядки напряжений в практической жизни (Коллингвуд, 1999). Так, М. Ротко в одном из интервью утверждал, что его интересуют не цветовые отношения, а выражение эмоций; многообразие аффективных реакций перед его картинами является маркером того, что ему удалось передать эти эмоции. Таким образом, именно актуализация (точнее, моделирование в рамках эстетики перформативности) спонтанной эмоциональной реакции, превращение ее из столкновения противоположных аффектов в эстетическое переживание заставляет художников и зрителей атрибутировать искусству чисто магические черты.

Феномены магии и магического мышления — традиционная тема исследований для психологии и антропологии (Субботский, 2015; Холмогорова, 2002; Христофорова, 2010). Под магией обычно понимается сложный идейный комплекс архаически-мифологических и современных квазинаучных верований в возможность сверхъестественного изменения реальности с помощью специальных действий (ритуального типа). Общепринятым стало и признание того, что магический «Ренессанс» возникает в ситуации социального кризиса как ответ на неопределенность, которая нарастает вследствие нарушения работы социальных институтов по трансляции и установлению базовых социальных норм и ценностей.

С семиотической точки зрения магия строится на понимании языкового знака не как условного обозначения материального предмета, а его составляющей (Мечковская, 2007), происходит смешение означаемого и означающего. Правильное ритуальное произнесение магического слова и высказывания обладает перформативной силой, «переделывающей» ту реальность, на которую она направлена: «Живая речь есть непрерывная магия... словом я подчиняю явление, покоряю его» (Белый, 1994, с. 132). Перформативно-магическая (или заклинательная) функция языка отчетливо проявляется в народной заговорной традиции: *слово мое крепко*.

В магических верованиях и практиках отождествляется реальность и репрезентация, с помощью чего субъект получает воображаемый контроль над социальными изменениями, обретает внутреннюю точку опоры в управлении потоком не зависящих от него событий. В постсоветской России магия, эзотерика, оккультизм стали не только способами адаптации к социокультурным трансформациям, но и вполне успешными стратегиями поддержания позитивной идентичности как у «профессиональных» тарологов, астрологов, целителей и т.д., так и у клиентов-потребителей их услуг, компенсирующих утрату четкой социальной локализации установлением контакта с духовными силами и нахождением своего места «в астрале» и космической иерархии (Троцук, Цимбал, 2024; Хорошилов, Машков, 2022).

Когда Выготский пишет о раскладывании пасьянса (заимствованная иллюстрация из «Войны и мира») как о рудиментарной форме овладения своим поведением и состоянием через бросание жребия — искусственно созданного стимула-средства (Выготский, 1983), то он находит точную психологическую формулу магии. Магическое познание и действие есть процесс формирования искусственной символической реальности, в которой становится возможным са-

мопознание и самоизменение через внешний знак (блокированные по тем или иным обстоятельствам в повседневной жизни). Искусство в данном отношении полностью уподобляется магическому акту: художник аналогично создает условия для возникновения эстетического переживания и катарсиса, выстраивая их сообразно культурно-историческим формам. Примат формы над жизнью стал лейтмотивом модернизма конца XIX — начала XX ст.: жизнь имитирует искусство в большей степени, чем искусство — жизнь (Ковалева, 2002), что позволяет перейти к конкретному историческому сюжету, свидетельствующему в пользу развиваемой гипотезы о перформативно-магической функции эстетики.

Искусство Серебряного века — вестник или проводник социальных изменений?

Очевидно, первым, кто в отечественной философии и эстетике осознал возможность искусства изменять общество и даже влиять на исторические события, стал В.В. Розанов, который приписывал ответственность за революции 1917 г. не объективным социально-историческим факторам, а великой и могучей русской литературе: *«Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения»* (Розанов, 2000, с. 43, курсив мой. — Д.Х.). Радикальность понимания мироустройства, характерная для русской литературной традиции, свойственная ей позиция бескомпромиссной критики царского режима явилась тем судьбоносным словом, которое, по Розанову, *выпущено*, и теперь ему внимает безумная революционная толпа. Образ мира, сформированный писателями в общественном сознании, оказал сильное воздействие на массовое поведение. Ранние социально-психологические теории толпы разрабатывались с опорой на эмпирические примеры, заимствованные из классической литературы, например, Л.Н. Толстого, Г. де Мопассана, Ф.К. Сологуба (Горбатов и др., 2021).

Тема предчувствия (и провоцирования) социальных изменений стала инвариантной в междисциплинарных исследованиях культуры Серебряного века. Ведущие направления поэзии русского модернизма — *символизм, акмеизм и футуризм* — реформировали языковые средства, чтобы выразить кризис и обновление мировосприятия, смену исторических эпох (Гаспаров, 2024). Раскол между государством, властью и обществом, стремительный распад консенсуса

между различными социально-политическими группами, который продолжался вплоть до революции, оказал влияние на возникновение русского религиозно-философского «Ренессанса» (Олейников, 2014). Не только литература (как считал Розанов), но и живопись, музыка, танец, кинематограф — все художественные жанры «пророчествовали» о грядущих радикальных социальных изменениях. Здесь и далее нами принимаются хронологические границы Серебряного века от начала 1890-х гг. и до 1921 г. (смерть А.А. Блока и расстрел Н.С. Гумилева); первенство в использовании и распространении самого термина оспаривается разными мемуаристами, однако его точное установление не входит в задачи настоящей статьи (Ронен, 2000).

Точный анализ эпохи предлагает Н.А. Бердяев в философской автобиографии: *«Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зоры, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и надеждой на преобразование жизни»* (Бердяев, 1991, с. 140, курсив мой. — Д.Х.). По мнению историков, российское общество к началу 1917 г. находилось в состоянии социально-психологического кризиса: под влиянием общей атмосферы мистической настроенности, напряженности и тревоги формировались образы внутренних врагов в лице представителей правящей династии, что обеспечивало возможность превращения безадресного стихийного недовольства в массовые политические протесты (Аксенов, 2024).

Интеллектуальный источник культуры Серебряного века — мистико-философское учение В.С. Соловьева о Софии, которая является символом женственной души мира, связи человека и мира с божественным. Согласно его формуле, искусство изображает предмет или явление с точки зрения его окончательного состояния в свете будущего (Соловьев, 1991). В центре мировоззрения Соловьева лежит мечта о преобразении мира, обновлении личности и преобразовании общества через одухотворенное искусство (Быстров, 2012). Искусство Серебряного века воплотило размышления Соловьева о преобразовании человека и мира в свете прекрасной и загадочной Софии — *Премудрости Божьей*.

Теургическая эстетика, восходящая еще к православному богословию иконы, — это имплицитная духовно ориентированная эстетика, направленная на этическое и религиозное преобразование

человека в процессе художественного творчества (Бычков, 2007). Теургия в психологическом контексте рассматривалась как задача искусства жизни по превращению человеческого Я из природного факта в культурное явление, непрерывного житнетворчества личности (Шахадат, 2017). В.Ф. Ходасевич гениально выразил эти устремления времени: «*“Личность” становилась копилкой переживаний, мешком, куда ссыпались накопленные без разбора эмоции, — “миги”, по выражению Брюсова: “Берем мы миги, их губя”*» (Ходасевич, 1996, с. 22, курсив мой. — Д.Х.). Психология искусства Л.С. Выготского также направлена на катарсическое изменение и преображение личности через эстетическое переживание, и в обозначенном смысле она, словно маскируясь под марксистский идеологический мейнстрим, сохраняет преемственность теургической традиции Серебряного века. Однако во времена научной активности Выготского пафос социального (а не религиозного, как в софиологии Соловьева) преображения мира перешел русскому авангарду, а после его смерти — социалистическому реализму (Деготь, 2002).

К какому бы жанру искусства Серебряного века мы не обратились бы, везде тема социальных изменений, понимаемых как глубинное преобразование личности и общества, является одной из магистральных. На банкете в честь открытия выставки русского портрета в Таврическом дворце (1905 г.!) С.П. Дягилев провозгласил, что *«мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости»* (Ипполитов, 2025, с. 32, курсив мой. — Д.Х.). В.В. Кандинский в художественном манифесте объявил: живопись — это столкновение миров, возникающее путем космической катастрофы; А.Н. Скрябин искренне веровал, что исполнение «Прометея» будет ритуалом мистерии апокалипсиса; «Весна священная» И.Ф. Стравинского стала революцией в балете, освободившей тело от условностей классического танца. Не был в стороне и новомодный кинематограф: мрачная готическая и декадентская атмосфера смерти пронизывала многие популярные картины эпохи («Венчал их сатана», «Кумир поверженный», «Скальпированный труп»). Буквально все эстетические жанры конструируют яркий образ распадающегося и умирающего мира старой культуры.

Мать Мария (Скобцова) писала, что *«культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции. В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф и сдвигов»* (Кузьмина-Караваева, 2012, с. 78,

курсив мой. — Д.Х.). Она называет интеллигенцию и богему *революцией до революции, последним актом трагедии*, хотя культурно-художественная жизнь была оторвана от насущных социально-экономических проблем других слоев населения. Тем не менее революционное мышление интеллигенции передавалось стихийным группам, массам и толпам на улицах. Мать Мария сравнивает предреволюционную Россию с падением Рима и нашествием Аттилы, которые приводят к полному разрушению культуры, после чего требуется длительное ожидание и терпеливое созидание нового.

Примечателен тот факт, что различные мемуаристы фиксировали слуховые эффекты шума без явного физического источника, напоминаящие *отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны* в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова. «*Сидя ночами на террасе всей семьей, в том числе с убежденным марксистом, не допускавшим необъяснимого, мы прислушивались к невнятному гулу с большой дороги, проходившей из Луцка за версту от нашего дома. Гул, похожий на этот, стоял по ночам над Москвой в 1904 году, многие слышали его тогда*» (Тургенева, 1993, с. 207, курсив мой. — Д.Х.). О шуме упоминают А. Белый и А.А. Блок, который слышал его внутри и вокруг себя; по мнению последнего, этот шум якобы слышал Н.В. Гоголь, а антропософ Р. Штейнер мог регулировать его оккультными методами (Блок, 1982). Загадочный шум времени (как назовет сборник воспоминаний О.Э. Мандельштам) становится не иллюзией или галлюцинацией, а удивительно точной символической формой разворачивающихся социокультурных трансформаций.

Вне сомнения, общество и культура царской России были крайне разнородными, поэтому возникает закономерный вопрос — правомерно ли проецировать образы, фантазии, интуиции творческой и художественной интеллигенции на массовое сознание в целом? В рамках теории социальных представлений С. Московиси доказано, что «диссидентское», инакомыслящее меньшинство выступает в роли проводника социальных изменений для большинства, а историк Ф. Бродель полагал, что для того, чтобы общество стало меняться, достаточно, чтобы изменение охватило только 10% населения (Козлова, 1999). Искусство, как показал Виготский на материале анализа актерской игры, является частью социально-психологической действительности, но эта часть так или иначе всегда является выражением целого, кристаллизацией эмоционального состояния больших групп: «переживания актера, его эмоции выступают не как функции его личной душевной жизни, но как явление, имеющее объ-

активный общественный смысл и значение» (Выготский, 1984, с. 328). Иными словами, благодаря работе психологических законов искусства, а именно перформативно-магической функции эстетической деятельности, изначально узкая социокультурная сфера Серебряного века стала важным катализатором революционных изменений, мгновенно охвативших все сферы жизни общества без исключения.

Заключение. Магия искусства и социальное познание

Социальное познание — аффективно-когнитивный процесс конструирования образа мира в условиях социальных изменений — рассматривается в подходе Г.М. Андреевой с позиции обыденного сознания и психологии повседневности. Ранее осуществленные нами исследования показали, что в транзитивном обществе задействуются самые разнообразные способы социального познания, в том числе эстетические и магические (Марцинковская, Хорошилов, 2023). Искусство и магия сближаются не только как перформативные практики символического моделирования действительности, но и как ментально удобные стратегии социального познания: в них задействован аффективный компонент при оценке быстрых и внезапных изменений; именно переживание — ведущий механизм конструирования образа мира в ситуации неопределенности.

Не менее важно, что и магия, и искусство в равной степени возвращают субъекту агентность (способность к социальному действию), нивелируемую травмой социальных изменений; теперь «доступ» к миру открывается через ритуальные слова и изображения, посредством которых можно оказывать воображаемое влияние на внешний ход событий и контролировать их. Оправданно говорить о сближении перформативных функций магии и искусства с точки зрения задач социального познания по овладению неопределенностью: формируемый образ мира, «прирученного» волшебными и художественными техниками, воспринимается как конечная единственная реальность.

Исследование магии искусства как способа социального познания имеет значимые теоретические последствия для социально-психологического знания. Если А.Н. Леонтьев полагал, что образ может быть более адекватным или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности (Леонтьев, 1983), то Г.М. Андреева допускала принципиальную возможность расхождения образа и реальности в массовом сознании изменяющегося общества (Андреева, 2013).

Образ мира, конструируемый в массовом сознании, может оказаться не просто менее адекватным новым социальным фактам, а вообще кардинально разойтись с ними; в политике, науке и культуре может не найтись адекватных средств или ментального инструментария для репрезентации и понимания смысла происходящих изменений.

Отчасти такая участь постигла художников и интеллектуалов Серебряного века, которые, вне сомнения, предвосхитили и ускорили кризис царской России, но они никак не могли представить себе размаха и последствий революции 1917 г., которые превзошли самые смелые ожидания и прогнозы. В контексте кризиса человек привычно обращается к альтернативным языкам концептуализации распадающейся и ускользающей от рефлексии действительности, к тем же искусству и магии, вступающими в сложное взаимодействие между собой (общеизвестен значительный интерес мыслителей, художников и поэтов того времени к спиритизму, французскому оккультизму, теософии Е.П. Блаватской и т.д.).

Язык магии искусства содержит в себе опасность, отмеченную нами выше, а именно нерелексивного фантазийного совпадения знака — образа — символа и репрезентируемого ими социального окружения. С одной стороны, язык символичен и метафоричен, с другой стороны, как рассуждает в своем интервью знаменитая английская писательница А. Байетт, метафора представляет собой только фрагментарное отражение мира, она дает возможность приглядеться, приоткрыть завесу тайны, но не увидеть мир в его тотальности. К еще более радикальным выводам приходит С. Сонтаг при анализе и сравнении метафор, отражающих образы, представления и переживания трех главных болезней современности: туберкулеза, рака и СПИДа (Сонтаг, 2016). Метафоры дают человеку спасительные ориентиры и копинг-стратегии для лучшего осознания того, что с ним происходит в состоянии болезни, но они могут быть и ментальными ловушками, которые суживают круг поиска действенных путей выздоровления в противовес мифологизации заболевания (Тхостов, 2020).

Следует иметь в виду, что магия искусства, обладая реальной перформативной силой изменять мировосприятие через эмоциональные переживания (как на уровне отдельного индивида, так и общества в целом), требует *хотя бы на мгновение* поставить знак равенства между означающим и означаемым (иначе эффект катарсиса просто не случится!), а борьба за символы — это веская психологическая причина социальных конфликтов. В современных обществах, для которых

характерно сочетание разновекторных процессов модернизации и архаизации, активное внедрение высоких информационных технологий в повседневность и одновременно широкое распространение магических и эзотерических практик, борьба за *признание реальности символа* часто используется для оправдания насилия и уничтожения (например, кейсы «оскорбления чувств верующих», репутационных угроз, этнических и национальных столкновений и т.д.).

Субъект социального познания, обратившись к семиотике магии и искусства, может неправомерно отождествить сконструированный им образ и реальность, позабыв, казалось бы, классический «закон» социальной психологии: образ восприятия только *опосредствует* действие в реальности, но отнюдь не заменяет ее. Магия искусства может на какое-то время восполнить смысловой дефицит понимания социальных изменений и при этом заслонить присущую им сложность и непредсказуемость. Задача психологии — как науки и практики — заключается не в том, чтобы редуцировать социальные изменения до ясного и когнитивно простого символа, но принять их как онтологическое условие существования человека в современном мире. Магия искусства, выступающая «подручным» средством построения образа мира для обыденного сознания, в конечном счете может оказаться очень ненадежной перцептивной защитой от социального хаоса.

Список литературы

Айламазян, А.М. (2018). Выразительный человек: психологические очерки. Москва: Изд-во «Когито-Центр».

Аксенов, В.Б. (2024). Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). Москва: Изд-во «Новое литературное обозрение».

Андреева, Г.М. (2013). Образ мира и/или реальный мир? *Вопросы психологии*, (3), 33–43.

Белый, А. (1994). Символизм как миропонимание. Москва: Изд-во «Рес-публика».

Бердяев, Н.А. (1991). Самопознание. Москва: Изд-во «Книга».

Блок, А.А. (1982). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 5. Ленинград: Изд-во «Художественная литература».

Быстров, В.Н. (2012). Между утопией и трагедией: идея Преображения мира у русских символистов. Москва: Изд-во «Прогресс-Плеяда».

Бычков, В.В. (2007). Русская теургическая эстетика. Москва: Изд-во «Ладомир».

Выготский, Л.С. (1986). Психология искусства. Москва: Изд-во «Искусство».

Выготский, Л.С. (1983). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 3. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 6. Москва: Изд-во «Педагогика».

Гаспаров, М.Л. (2024). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 3. Москва: Изд-во «Новое литературное обозрение».

Голдберг, Р. (2013). Искусство перформанса: от футуризма до наших дней. Москва: Изд-во «Ад Маргинем».

Горбатов, Д.С., Агафонова, В.В., Андреева, Л.Т., Волкова, В.В., Горбатова, Е.А. (2021). Психология стихийных социальных объединений. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Громько, Ю.В. (2018). Психология искусства в научной школе Л.С. Выготского: проблемы теории и коммуникативных практик работы с сознанием. *Культурно-историческая психология*, 14(3), 85–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140308>

Деготь, Е.Ю. (2002). Русское искусство XX века. Москва: Изд-во «Трилистник».

Зинченко, В.П. (1994). Возможна ли поэтическая антропология? Москва: Изд-во Российского открытого ун-та.

Ипполитов, А.В. (2025). Последняя книга: не только Италия. Москва: Изд-во «КоЛибри».

Ковалева, О.В. (2002). О. Уайльд и стиль модерн. Москва: Изд-во «Едиториал УРСС».

Козлова, Н.Н. (1999). Социально-историческая антропология. Москва: Изд-во «Ключ-С».

Коллингвуд, Р.Дж. (1999). Принципы искусства. Москва: Изд-во «Языки русской культуры».

Кузьмина-Караваева, Е.Ю. (2012). Встречи с Блоком. Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. Москва; Париж: Изд-во «Русский путь».

Леонтьев, А.Н. (1983). Избранные психологические произведения: в 2 тт. Т. 2. Москва: Изд-во «Педагогика».

Маньковская, Н.Б. (2016). Феномен постмодернизма: художественно-эстетический ракурс. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во «Центр гуманитарных инициатив».

Марцинковская, Т.Д., Хорошилов, Д.А. (2023). Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(1), 12–23. <https://doi.org/10.21638/srbu16.2023.101>

Мечковская, Н.Б. (2007). Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций. Москва: Изд-во «Академия».

Олейников, Д.И. (2014). История России: 1801–1917. Москва: Изд-во «Форум».

Розанов, В.В. (2000). Собрание сочинений: Апокалипсис нашего времени. Москва: Изд-во «Республика».

Ронен, О. (2000). Серебряный век как умысел и вымысел. Москва: Изд-во «ОГИ».

Собкин, В.С. (2015). Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского. Москва: Изд-во Института социологии образования РАО.

Соловьев, В.С. (1991). Смысл любви: избранные произведения. Москва: Изд-во «Современник».

Сонтаг, С. (2016). Болезнь как метафора. Москва: Изд-во «Ад Маргинем».

Субботский, Е.В. (2015). Неуничтожимость волшебного: как магия и наука дополняют друг друга в современной жизни. Москва; Берлин: Изд-во «Директ-Медиа».

Троцук, И.В., Цимбал, М.В. (2024). Современные магические практики: исторические основания типологизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24(3), 795–810. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-795-810>

Тургенева, А. (1993). Андрей Белый и Рудольф Штейнер. В кн.: Воспоминания о серебряном веке. Под ред. В. Крейда. (С. 203–218). Москва: Изд-во «Республика».

Тхостов, А.Ш. (2020). Культурно-историческая патопсихология. Москва: Изд-во «Канон+».

Фишер-Лихте, Э. (2015). Эстетика перформативности. Москва: Изд-во «Международное театральное агентство».

Ходасевич, В.Ф. (1996). Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. Москва: Изд-во «СС».

Холмогорова, А.Б. (2002). Личностные расстройства и магическое мышление. *Московский психотерапевтический журнал*, (4), 80–88.

Хорошилов, Д.А., Машков, Д.С. (2022). Исследование магии в современном обществе сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа жизненной истории). *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, (4), 79–90. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-79-90>

Христофорова, О.Б. (2010). Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. Москва: Изд-во «ОГИ».

Шахадат, Ш. (2017). Искусство жизни: жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. Москва: Изд-во «Новое литературное обозрение».

Элиаде, М. (2002). Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев; Москва: Изд-во «София».

Ярошевский, М.Г. (1993). Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. Санкт-Петербург: Изд-во Международного фонда истории науки.

References

Aksenov, V.B. (2024). Rumors, Images, Emotions: Mass Sentiments of Russians during the War and Revolution (1914–1918). Moscow: Novoye Literary Obozrenie Publ. (In Russ.)

Andreeva, G.M. (2013). Image of the World and/or the Real World? *Voprosy psikhologii*, (3), 33–43. (In Russ.)

Aylamazyan, A.M. (2018). Expressive Man: Psychological Essays. Moscow: Kogito-Centr Publ. (In Russ.)

Bely, A. (1994). Symbolism as a Worldview. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)

Berdyayev, N.A. (1991). Self-Knowledge. Moscow: Kniga Publ. (In Russ.)

Blok, A.A. (1982). Collected Works: in 6 vol. Vol. 5. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)

Bychkov, V.V. (2007). Russian Theurgic Esthetics. Moscow: Lodomir Publ. (In Russ.)

Bystrov, V.N. (2012). Between Utopia and Tragedy: the Idea of the Transfiguration of the World in Russian Symbolists. Moscow: Progress-Pleiades Publ. (In Russ.)

Collingwood, R.J. (1999). Principles of Art. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)

Dygot, E.Yu. (2002). Russian Art of the Twentieth Century. Moscow: Trelistnik Publ. (In Russ.)

Eliade, M. (2002). Occultism, Witchcraft, and Fashions in Culture. Kyiv; Moscow: Sophia Publ. (In Russ.)

Fischer-Lichte, E. (2015). Aesthetics of performativity. Moscow: Mezhdunarodnoe teatral'noe agentstvo Publ. (In Russ.)

Gasparov, M.L. (2024). Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie Publ. (In Russ.)

Goldberg, R. (2013). Performance Art: from Futurism to the Present Day. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.)

Gorbatov, D.S., Agafonova, V.V., Andreeva, L.T., Volkova, V.V., Gorbatova, E.A. (2021). Psychology of Spontaneous Social Associations. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Research Publ. (In Russ.)

Gromyko, Yu.V. (2018). Psychology of Art in the Scientific School of L.S. Vygotsky: Problems of Theory and Communicative Practices of Working with Consciousness. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 14(3), 85–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2018140308>

Ippolitov, A.V. (2025). The Last Book: Not Only Italy. Moscow: KoLibri Publ. (In Russ.)

Khodasevich, V.F. (1996). Necropolis. Literature and Power. Letters to B.A. Savdovsky. Moscow: SS Publ. (In Russ.)

Kholmogorova, A.B. (2002). Personality Disorders and Magical Thinking. *Moskovskoi psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow Psychotherapeutic Journal*, (4), 80–88. (In Russ.)

Khoroshilov, D.A., Mashkov, D.S. (2022). The Study of Magic in Modern Society through the Prism of Biography (Based on the Narrative Analysis of Life History). *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya: "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, (4), 79–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-79-90>

Khristoforova, O.B. (2010). Sorcerers and Victims: The Anthropology of Witchcraft in Modern Russia. Moscow: OGI Publ. (In Russ.)

Kovaleva, O.V. (2002). O. Wilde and the Art Nouveau Style. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russ.)

Kozlova, N.N. (1999). Social and Historical Anthropology. Moscow: Klyuch-S Publ. (In Russ.)

Kuzmina-Karavaeva, E.Yu. (2012). Meetings with Blok. Memories. Prose. Letters and notebooks. Moscow; Paris: Russkii put' Publ. (In Russ.)

Leontiev, A.N. (1983). Selected psychological works: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Mankovskaya, N.B. (2016). The Phenomenon of Postmodernism: Artistic and Aesthetic Perspective. Moscow; St. Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

Martsinkovskaya, T.D., Khoroshilov, D.A. (2023). Psychology of social cognition: development prospects in a changing society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(1), 12–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.101>

Mechkovskaya, N.B. (2007). Semiotics. Language. Nature. Culture: a course of lectures. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)

Oleynikov, D.I. (2014). History of Russia: 1801–1917. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)

Ronen, O. (2000). The Silver Age as Intent and Fiction. Moscow: OGI Publ. (In Russ.)

Rozanov, V.V. (2000). Collected Works: The Apocalypse of Our Time. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)

Shahadat, Sh. (2017). The Art of Life: Life as an Object of Aesthetic Attitude in Russian Culture of the 16th–20th Centuries. Moscow: Novoe Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)

Sobkin, V.S. (2015). Comments on Lev Vygotsky's Theatre Reviews. Moscow: Institute of Sociology of Education of the Russian Academy of Education Publ. (In Russ.)

Soloviev, V.S. (1991). The Meaning of Love: Selected Works. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russ.)

Sontag, S. (2016). Disease as Metaphor. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.)

Subbotsky, E.V. (2015). The Indestructibility of the Magical: How Magic and Science Complement Each Other in Modern Life. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. (In Russ.)

Tkhostov, A.Sh. (2020). Cultural-historical Pathopsychology. Moscow: Canon+ Publ. (In Russ.)

Trotsuk, I.V., Tsymbal, M.V. (2024). Modern Magical Practices: Historical Foundations of Typology. *Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 24(3), 795–810. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-795-810>

Turgeneva, A. (1993). Andrei Bely and Rudolf Steiner. In: V. Kreid, (ed.). *Memo-ries of the Silver Age*. (pp. 203–218). Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (1983). *Collected Works: in 6 vol. Vol. 3*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (1984). *Collected Works: in 6 vol. Vol. 6*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (1986). *Psychology of Art*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Yaroshevsky, M.G. (1993). L.S. Vygotsky: In Search of a New Psychology. St. Petersburg: International Foundation for the History of Science Publ. (In Russ.)

Zinchenko, V.P. (1994). *Is Poetic Anthropology Possible?* Moscow: Russian Open Univ. Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Хорошилов, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация, d.khoroshilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Khoroshilov, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Head of the Department of Social Psychology, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, d.khoroshilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

Поступила 12.05.2025. Получена после доработки 29.05.2025. Принята в печать 22.06.2025.

Received 12.05.2025. Revised 29.05.2025. Accepted 22.06.2025.